

елизавета
голикова



ВНЕШНИЙ МИР (НЕ ПОДДЕРЖИВАЕТ МОИ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАЧИНАНИЯ)

— МАМА, посмотри, за окном чувак!

— Бог мой, Федя, о чем ты?

Мальчик показывал на автомобиль, стоящий на аварийной сигнализации под окном. Окно по-прежнему активно формирует детскую картину мира.

— То есть ты считаешь, что это чувак?

— Да, мам! Ты что, не знаешь, что чувак — это автомобиль, который мигает синим? — сын смотрел на меня почти снисходительно.

Мне показалось несправедливым то, что ребенок заблуждается в отношении очевидных вещей.

— А откуда ты об этом знаешь?

— Мальчики рассказали.

Днем раньше дети ходили в детский клуб, где занимались английским. Задавать вопросы о том, при каких обстоятельствах там удалось охарактеризовать машину с мигалками и выяснить, кто такой чувак, было бессмысленно. Федя, по всей видимости, решил, что это новое английское слово.

— Федя, должна тебе сказать, что чувак — это прежде всего человек.

Сын на мгновение задумался:

— То есть чувак — это я?

— Ну в какой-то степени да.

В этот момент Федя увидел на мониторе моего компьютера верстку первой полосы газеты, где была размещена крупная фотография главы российского правительства.

— Вот это чувак! — Федя изумленно разглядывал фото. — Настоящий чувак, без мигалок. Да, мам?

Вносить коррективы в картину мира, сложившуюся у детей без моего присмотра, оказалось несколько сложнее, чем я ожидала.

Раньше дети посещали разные развивающие занятия вместе с нами, сейчас мы оставляем их в группе, а после окончания занятий забираем. У меня никогда не было иллюзий насчет того, что на самом деле интересует детей во время 40-минутных занятий английским языком или танцами. Но одно дело абстрактное «общение между детьми примерно одной возрастной группы», а другое — вполне конкретный «чувак», обогативший Федин лексикон.

Я не собираюсь пытаться остановить процесс интеграции детей во внешний мир. Это было бы в каком-то смысле просто непрофессионально. Как утверждать, что Россия — это островок стабильности в бушующем море финансового кризиса, или пытаться доказать, что на валютных счетах коммерческих банков во время девальвации рубля осели именно средства, выделенные государством на кредитование реального сектора. Зато на таких примерах можно научиться тому, как выстраивать информационное поле вопреки очевидности.

Хотя делать это непросто — внешний мир не поддерживает мои педагогические начинания. Когда моя дочь, покидая детскую площадку или класс, громко говорит: «Ребята, до свидания! Пока!» — реакции, как правило, не следует. Некоторые взрослые, услышав моего ребенка, смотрят

на него с непониманием. Дети не реагируют. Варя недоумевает. И мне ее очень жаль. Точнее, мне жаль, что у ребенка в такие мгновения разрушаются те еще некрепкие основы, которые он приобрел в семье.

Таких разрушительных моментов сейчас все больше и больше. Недавно в магазине Федя, щепетильный в вопросах порядка и поддержания вещей на своих местах, столкнулся с другим мальчиком у витрины с печеньем. Неловко повернувшись, мальчик задел коробки, и все, что стояло на полках, оказалось на полу. Мальчик убежал к своей маме. Федя начал собирать и аккуратно укладывать на место все это печенье. За этим занятием его и застала менеджер зала. Конечно, он получил замечание. Она же не знала, что это не он уронил. И Федя ничего не сказал: он просто подбежал ко мне, прижался и, конечно, заплакал. Я не знаю, соберет ли он печенье в следующий раз.

Такого рода столкновения происходят теперь с нами повсеместно. Оказавшись с детьми в парке, мы гуляли по дорожкам и разучивали всякие стихи. В парке было очень много народу: няни и бабушки гуляли с детьми.

— Мам, а давай с кем-нибудь познакомимся? — вдруг сказала Варя.

— Давай, — ответила я, стараясь показаться решительной.

Мы подошли к первым встречным. Варя стеснялась.

— Здравствуйтесь, а как вас зовут? — вымолвила девочка, и я, кажется, догадываюсь, чего ей это стоило. Но она

сказала это, наверное, так тихо, что прохожие ее не услышали и прошли мимо быстрее, чем она успела закончить свой вопрос.

— Мам, а почему они ушли?

В тот день нам удалось познакомиться с огромной березой, рыжей белкой и белым голубем.

Я шла и рассказывала им о том, что белый голубь относит почту Деду Морозу и в следующий раз, когда мы придем гулять в парк, можно передать с ним наше письмо. Выясняя, какие сюрпризы они ждут в новогоднюю ночь, я узнала, что Варя мечтает найти под елкой конфету, а Федя еще подумает.

После этого дети снова были в детском клубе, где они, по их словам, болтали про Новый год и наряжали новогоднюю елку. На следующий день мы после завтрака решили написать Деду Морозу письмо и смастерить пластиковые открытки. На обратной стороне я записывала все, что мне говорили дети.

«Дедушка Мороз и Снегурочка! Мы очень ждем вас в гости и уже разучиваем стихотворение. Мы нарядим красивую елку и угостим тебя чаем с баранками. Было бы очень здорово, если бы под нашей елкой оказалась настоящая конфета!» — это было письмо Вари.

Федя был немногословен. «Дед Мороз! Принеси мне грузовую машину, — продиктовал мне сын и, немного подумав, добавил: — Пожалуйста».

— И это все? Ты уверен, Федь?

— Да, мам. Ведь тогда я стану настоящим чуваком!

Вот именно это меня и пугает.